

ПРОБЛЕМЫ ГНОСЕОЛОГИИ

УДК 165.0

ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ – ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

К осмыслению одной из идей М.А. Розова

О.Б. Шулёпова

Амурский государственный
университет, г. Благовещенск

shulepova@mail.ru

С.С. Розова

Новосибирский государственный
университет

rozova@academ.org

В статье рассматривается предложенное М.А. Розовым новое понимание познания, основанное на смене представления о том, что же является объектом познания: вместо традиционного объективного мира самого по себе предлагается объектом человеческого познания считать нашу деятельность в объективном мире, а полученные знания относить не к миру самому по себе, а к нашему с ним взаимодействию. Своими действиями мы как бы задаем миру вопросы, а он как бы отвечает нам на них, соглашаясь или возражая. Такое понимание объекта познания помогает развитию современной теории познания во всех ее основных аспектах, включая и проблему истины, в направлении большей адекватности состоянию естественной и гуманитарной наук.

Ключевые слова: объект познания, предзаданность объективной реальности, классическая и неклассическая теория познания, корреспондентская теория истины.

ACTIVITY AS THE OBJECT OF COGNITION

O.B. Shulepova

Amur State University,
Blagoveshchensk

shulepova@mail.ru

S.S. Rozova

Novosibirsk State University

rozova@academ.org

In this article we discuss the novel understanding of cognition introduced by M. A. Rozov and based on changing the idea of what we should consider to be the object of cognition. Instead of the traditionally proposed objective world itself, this approach suggests our actions in the objective world to be the cognition object, with the obtained knowledge associated with our interaction with the world rather

than with the world itself. It is as if our actions addressed questions to the world, and the world answered them, with either consent or disagreement. The proposed understanding of the cognition object facilitates the development of contemporary epistemology in all its key aspects, including the truth problem, towards a better conformity with state of the art in both natural and humanitarian science.

Key words: the object of cognition, fore-establishment of objective reality, classical and post-classical epistemology, correspondent theory of truth

Превратности судьбы научных и философских идей таковы, что порой принятая «на ура» идея со временем оказывается фикцией, а разумная идея, напротив, не находит признания у современников, подвергается резкой критике и даже иногда осмеянию. Хуже, когда новые оригинальные идеи остаются без внимания, не осмысленными всерьез современниками.

Эти общие положения применимы и к современной эпистемологии. В связи с переходом к неклассической науке происходит переосмысление многих эпистемологических проблем. В этой связи необходимо внимательно относиться к каждой из, казалось бы, необычных и невероятных идей. Одной из таких идей и является предложенное М.А. Розовым новое понимание объекта познания.

Для человека всегда и в его истории, и в настоящее время не вызвало сомнения то, что он познает окружающий мир, предметы и явления с их свойствами такими, как они существуют сами по себе. Это, казалось бы, бесспорное положение было поставлено под сомнение Михаилом Александровичем Розовым (1930–1911). Разработав теорию социальных эстафет как новую социальную онтологию, он по-новому увидел традиционные философские вопросы познания. Однако не все идеи М.А. Розова, с нашей точки зрения, оценены по достоинству и даже поняты.

Коллеги, близко знавшие М.А. Розова и знакомые с его философскими трудами, в предисловии к одной из его посмертных

публикаций горько сетуют: «Когда сейчас перечитываешь работы М.А. Розова, становится и обидно, и стыдно. Обидно за нашу отечественную философию, за отечественное философское сообщество: оригинальный и смелый мыслитель, высказавший немало чрезвычайно интересных идей, так и не дождался серьезного анализа и критики своих взглядов со стороны коллег. Конечно! Пересказать и прокомментировать убогие мысли какого-нибудь зарубежного автора считается свидетельством высокого профессионализма, а критический анализ оригинальной и целостной философской концепции, созданной человеком, работающим в соседней комнате, рассматривается как нечто несерьезное и не вызывает интереса»¹.

В данной статье мы и хотим обратиться к одной из самых неожиданных, не укладывающихся в традиционные эпистемологические представления идее М.А. Розова. Он отказался от общеизвестной точки зрения философов-материалистов о том, что является объектом познания человека, и в ряде своих работ высказал идею о том, что объектом познания человека является человеческая деятельность, а не мир, как он существует сам по себе.

Эта парадоксальная, на первый взгляд, мысль при внимательном рассмотрении оказывается очень глубокой, убедитель-

¹ Кузнецова Н.И., Никифоров А.А. Предисловие к публикации статьи М.А. Розова «Проблема объекта познания в контексте теории социальных эстафет» // Эпистемология & философия науки. – 2011. – № 3. – С. 196–197.

ной и позволяющей продвинуться дальше в наших представлениях о познании. Появление этой идеи находится в русле развития современной философии и науки и является, прежде всего, порождением грандиозной революции в развитии науки XX века. Имеется в виду возникновение квантовой механики, выявившей принципиально новое понимание роли прибора в процессе познания. В квантовой механике прибор перестал быть фиксатором и регистратором состояния изучаемого объекта, он стал составляющей объекта исследования, поскольку только его взаимодействие с объектом создает изучаемую реальность. Оказалось, что элементарная частица сама по себе не имеет траектории и таких динамических характеристик, как скорость и координаты. Однако мы можем зафиксировать эти характеристики с помощью приборов, они возникают в процессе самого взаимодействия частиц с прибором.

Классическая теория познания рассматривала в качестве объекта нашего познания мир сам по себе, мир как объективную реальность. Поэтому полагалось, что культурное вторжение в содержание нашего знания может только его испортить, нарушить его истинность, его объективность. Квантовая механика показала, что все познанное нами есть картина мира не самого по себе, а мира, освоенного людьми, и подводила к мысли, что вклад культуры в содержание научного знания неизбежен и является следствием участия культуры в самом объекте познания, ибо познается не мир сам по себе, а его человеческий срез, человеческая деятельность в этом мире. Познание черпает свое содержание не из одной объективной реальности, а из взаимодействия природы и культуры.

Осознание неустранимости участия культурных феноменов (язык, логические категории, предшествующие знания, приборы, экспериментальные установки и т. п.) в научном познании привело к мысли уподобить всю культуру роли прибора в квантовой механике и распространить этот взгляд на роль культуры в познании на все исторические этапы его развития. Мы только теперь поняли, что всегда познавали не саму по себе объективную реальность, а наше, человеческое взаимодействие с ней. Это прозрение потребовало от нас ответа на вопрос, как именно в итоговом научном знании разделить вклад культуры и вклад объективной реальности. Видимо, эта потребность была выражением другой и гораздо более фундаментальной и более древней потребности людей знать объективную реальность «саму по себе», знать, как она устроена, каким законам подчиняется, как организовать нашу жизнь и нашу деятельность, чтобы вписаться в объективную реальность, частью которой мы являемся.

Итак, задача разделения вкладов могла диктоваться установкой классической рациональности, где противостояли друг другу Мир «сам по себе» и Человек «сам по себе», и познание понималось как отражение человеком мира, как достижение соответствия человеческих знаний объективной реальности. Не исключено, что именно этой потребностью диктовалась и полемика научного реализма и научного антиреализма, в которой антиреалисты пытались обнажить те трудности, те узкие места в научном исследовании, которые разрушали стандарты классической рациональности.

Не случайно Всеволод Адольфович Ладов, томский философ-аналитик, выстраивая свою концепцию формального ре-

лизма, ссылается на отмеченную Ричардом Рорти кардинальную важность вопроса об отличении друг от друга двух вкладов – культуры и природы – в научном знании. «Это вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов: можем ли мы (Дьюи и Дэвидсон подчеркивают, что не можем) отличить тот вклад, который вносит мир в процесс формирования суждения, от нашего собственного вклада?»² Ладов разъясняет: вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов в одном из популярных телешоу США 1950-х был самым сложным. Ответ на него сулил игроку очень крупный по тем временам для среднего американца денежный выигрыш. «С подачи Р. Рорти, – пишет Ладов, – мы можем представить своеобразную эпистемологическую викторину с определенным набором вопросов, оцененных по степени сложности, где наиболее принципиальным, важным и сложным будет вопрос о том, зависят ли наши суждения и, соответственно, их истинность, от некоторого объективного положения дел или нет»³.

Трудно сказать, сколько заработал бы М.А. Розов за свой ответ на этот вопрос, и заработал бы вообще хоть что-нибудь. Но он предложил нам свой ответ. Признавая, что знание строится нами в соавторстве с природой, Розов специально подчеркивает, что мы при этом являемся очень активными соавторами. Наша активность проявляется в том, что мы задаем природе своими действиями вопросы, содержание которых и превращается в содержание получаемых знаний. На роль же природы отводится только ответ на наш вопрос в форме «да» или «нет», что является интерпре-

тацией успехов или неудач нашей деятельности.

Послушаем самого Михаила Александровича Розова. «...Деятельность – это акция не только человека, но и природы, с которой мы действуем. Результат наших действий в новых ситуациях нельзя точно предсказать, это зависит не только от нас, но и от внешнего мира. Образно выражаясь, можно сказать, что деятельность порождается в соавторстве человека и природы. Человек своими действиями как бы задает вопрос, можно ли таким способом получить желаемый результат, природа дает ответ. Чаще всего она отвечает “да” или “нет”, если не считать побочных результатов эксперимента, которые я не буду здесь рассматривать. Ответы “да” или “нет” сами по себе бессодержательны, содержание порождает вопрос, то есть наши целенаправленные действия. Факт “соавторства” позволяет при описании деятельности задавать два следующих вопроса. Что делает человек и достигает ли он своей цели? Как реагирует природный объект на целенаправленные действия человека? В одном случае мы в качестве ответа получаем персонифицированное знание (при описании деятельности указывают на человека в качестве действующего лица – О. Ш., С. Р.), в другом – онтологизированное (приписывают те или иные действия самим объектам, именно они выступают в функции действующих лиц – О. Ш., С. Р.). Содержание в основном остается инвариантным, меняются местами действующие лица. “Опуская сахар в воду, мы получаем раствор сахара в воде”. “Сахар растворим (растворяется) в воде”»⁴.

² Rorty R. Is Truth A Goal of Inquiry? Davidson Vs. Wright // The Philosophical Quarterly. – 1995. – Vol. 45. – № 180. Jul.

³ Ладов В.А. Формальный реализм // Логос. – 2009. – № 2 (70). – С. 11.

⁴ Розов М.А. Проблема объекта познания в контексте теории социальных эстафет // Эпистемология & философия науки. – 2011. – № 4. – С. 200–225; Розов М.А. Философия науки в

«Но зачем нам нужен этот переход к онтологизированным знаниям? В чем практическое значение процедуры онтологизации? Главное, как мне представляется, состоит в следующем. В ходе деятельности мы очень часто наталкиваемся на «сопротивление» объекта. Поэтому, планируя или проектируя деятельность, нам надо заранее знать не только характер наших возможных действий, но и ответную реакцию соответствующих объектных компонентов... Деятельность, как я уже отмечал, мы творим в соавторстве с миром, она имеет как социальную, так и объектную обусловленность. Я имею в виду обусловленность теми объектами или явлениями, с которыми мы действуем. Наши задачи и действия обусловлены той культурой, в которой мы живем, но объекты жестко контролируют наши возможности»⁵.

Осмысливая успехи квантовой механики, Михаил Александрович Розов получил еще один важный философский результат. Он расширил поле предельных гносеологических допущений. Наряду с аксиологическими предельными основаниями человек должен выстроить свое понимание природы человеческого познания, ответить себе на вопрос, что есть человеческое познание, т. е. выстроить и свои гносеологические предельные основания, приняв соответствующие допущения. Наряду с вопросом, признает ли человек существование нового видения. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 132–133.

⁵ Розов М.А. Проблема объекта познания в контексте теории социальных эстафет // Язык – Знание – Реальность. – М.: Альфа-М, 2011. – С. 144–145; Розов М.А. Проблема объекта познания в контексте теории социальных эстафет // Эпистемология & философия науки. – 2011. – №4. – С. 200–225; Розов М.А. Философия науки в новом видении. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 132–134.

ние объективного мира, Розов в 1984 году сформулировал и поставил в число предельных гносеологических проблем вопрос о предзаданности этого мира человеческому познанию.

Вопрос о предзаданности мира познанию его человечеством – это вопрос о том, существует ли мир сам по себе именно таким, каким потом мы его познаем, т. е. является ли наше познание обнаружением и открытием в мире того, что в нем было, до того как мы начали его познавать. Является ли он сам по себе определенным и совпадает ли эта определенность с той, в которой он запечатлен в нашей картине? Знаем ли мы мир сам по себе? Можно ли получаемое нами знание отнести к миру самому по себе? Является ли он сам по себе таким же, как тот, который мы сейчас познали?

Новая постановка вопроса именно о мире, о его состоянии «самого по себе» в числе предельных философских вопросов важна именно потому, что она обнажает перед современным человеком, воспитанным на идеалах классического рационализма, остроту противостояния привычного для него мировоззрения и новых квантово-механических представлений. В такой ситуации человеку очень важно иметь в своем мысленном пространстве ключевой вопрос, который сталкивает в поиске ответов на него две принципиально разные возможности понимания природы познания: старые, классические, и новые квантово-механические. Уже выстроив свое новое понимание познания, М.А. Розов постановкой вопроса о предзаданности мира человеческому познанию создает условие, необходимое для сознательного перехода классически ориентированного человека на новые, неклассические позиции. «Да, мир предзадан нам. Он сам по себе имен-

но такой, каким мы его потом познаем», – говорит классик. И получает от М.А. Розова ответ: «Иными словами, мы познаем и можем познать только то, что уже каким-то образом заложено в природу. Именно природа диктует нам программу и границы нашего познания. Но что это значит «заложено в природу»? Закладываем мы сами. Происходит следующее: раньше мы идентифицируем мир с нашей уже построенной картиной, а затем, опираясь на эту гипостазированную картину, объясняем наше познание, то есть содержание той же картины. Тавтология очевидна. Иными словами, неправомерно выводить особенности нашего познания из объекта самого по себе, так как мы ничего не знаем об этом объекте, кроме того, что уже знаем»⁶.

Осознав необходимость отказаться от тавтологии, наш классик должен принять и необходимость отказаться от вкладывания в мир сам по себе наших знаний. Квантовая механика и для него обнажила отнесенность наших знаний не к природе самой по себе, а к нашему с ней взаимодействию и, кроме того, указала на неразделимость в нем вкладов природы и культуры. А отказавшись от вкладывания наших знаний в природу саму по себе, он вынужден оставить ее неопределенной, а значит, и непредзаданной человеческому познанию.

Еще один нетривиальный путь помочь классику преодолеть старое понимание познания М.А. Розов предложил с помощью мысленного эксперимента. «Вспомним Демокрита, – пишет Розов, – который впервые выдвинул идею первичных и вторичных качеств. Реально существуют, согласно Демокриту, только атомы и пустота, а такие качества, как цвет, запах, звук, вкус, – это ре-

зультаты воздействия атомов на наши органы чувств. Сами атомы этими качествами не обладают. Следовательно, мир без человека, без его органов чувств был бы совсем другим миром: не было бы ярких пейзажей, игры красок, шелеста листьев, шума водопада, пения птиц, запаха цветов. Разве у вас вызывает возражение такая точка зрения? Можно только добавить, что мир чувственных восприятий, как было показано выше, определен не только физиологией органов чувств, но и социальными нормами в рамках той или иной культуры.

А почему бы не обобщить сказанное и на человеческий разум? Мир запахов и вкусов, мир звуков и цвета порожден нашими органами чувств, но разве не в такой же степени и мир демокритовских атомов порожден разумом человека? Не обладай человек способностью к рациональному познанию – и не было бы ни атомов Демокрита, ни атомов Дальтона или Резерфорда, ни представлений современной теоретической физики. Но тогда противопоставление первичных и вторичных качеств в значительной степени теряет свой исходный смысл, так как все качества становятся «вторичными». Они относительно либо к органам чувств, либо к теоретическому разуму, но все они есть порождение нашей человеческой способности познания на определенном этапе ее развития. Первичных качеств, т. е. качеств, присущих Миру самому по себе, нет вообще. Отсутствие каких-либо первичных качеств в принципе вовсе не означает отсутствия и самой объективной реальности. Просто мы ничего не можем о ней сказать, она есть нечто неопределенное»⁷.

⁶ Розов М.А. *Философия науки в новом видеании*. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 124.

⁷ Розов М.А. *Неклассическая наука и проблема объективности знания // Знание в связях социальности*. – Екатеринбург, 2003.

Вывод о том, что природа сама по себе есть нечто неопределенное, – это и есть ответ «нет» на вопрос о предзаданности мира человеческому познанию. А это значит, что познание нельзя считать отражением объективной реальности. Познание – это построение и фиксация продуктов взаимодействия объективной реальности и человеческой культуры.

Итак, представление о предзаданности объективной реальности познающему человеку было отвергнуто благодаря успехам квантовой механики. В философских исследованиях познания стала разрабатываться идея непредзаданности природы познанию. Чтобы реализовать эту идею о том, что природа сама по себе не задает нам направлений ее исследования и не содержит «готовыми» в качестве объектов нашего познания те их характеристики, которые мы потом в ходе познания сконструируем, Томас Кун предложил перейти при рассмотрении исторического развития познания от эволюции «к» к эволюции «от». «Мы можем для большей точности, – пишет Т. Кун, – отказаться здесь от дополнительного предположения, явного или неявного, что изменения парадигм ведут за собой ученых и студентов и подводят их все ближе и ближе к истине... Процесс развития, описанный в данном очерке, представляет собой процесс эволюции от примитивных начал, процесс, последовательные стадии которого характеризуются все возрастающей детализацией и более совершенным пониманием природы. Но ничего из того, что было или будет сказано, не делает этот процесс эволюции *направленным* к чему-либо. Несомненно, этот пробел обеспечивает многих читателей. Мы слишком привыкли рассматривать науку как предприятие, которое постоянно приближается

все ближе и ближе к некоторой цели, заранее установленной природой. Но необходима ли подобная цель?.. Действительно ли мы должны считать, что существует некоторое полное, объективное, истинное представление о природе и что надлежащей мерой научного достижения является степень, с какой оно приближает нас к этой конечной цели? Если мы научимся замечать “эволюцию к тому, что мы надеемся узнать”, “эволюцией от того, что мы знаем”, тогда множество раздражающих нас проблем могут исчезнуть»⁸.

Позиция Томаса Куна служит М.А. Розову существенным подкреплением его собственной позиции в понимании познания. Кун предлагает отказаться в понимании закономерностей развития познания от эволюции «к» и перейти к эволюции «от». Отказ от эволюции «к» свидетельствует о том, что и в сознании Куна прежние представления классической науки о цели познания ушли в прошлое. Предзаданная людям организация объективной реальности, служившая ранее целью познания, оказалась иллюзией. Природа сама по себе есть нечто неопределенное, но почему бы не предположить, что она приобретает эту определенность именно в контакте с человеком, с человеческим разумом, подобно тому как элементарные объекты приобретают свою определенность во взаимодействии с прибором. В этом случае становится понятной и природа появления в науке законов типа закона Бойля–Мариотта. Да, его нет в Природе самой по себе. Но он и не является произвольным творением нашего разума. Закон возникает в самом акте взаимодействия Природы и Человека как характеристика этого взаимодействия. Наши зна-

⁸ Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2001. – С. 219–220.

ния обеспечивают нас свидетельствами..., но не о мире самом по себе, а о характере и продуктах нашего с ним взаимодействия.

Развивая представление о слитности человеческой деятельности и фрагментов объективной реальности, вытекающее из уровня развития современной науки, М.А. Розов делает следующий шаг в осмыслении природы познания: деятельность есть единственный объект нашего познания.

«Первый и основной мой тезис, – пишет М.А. Розов – состоит в том, что объектом нашего познания является не мир сам по себе, не объекты, с которыми мы оперируем в деятельности, а сама наша деятельность с этими объектами, реальная или в принципе возможная. Эту деятельность мы проектируем, реализуем, описываем. Мы ее творцы. Уже самые исходные положения концепции социальных эстафет натапливают на эту идею»⁹. Вместе с тем М.А. Розов высказывает гипотезу о том, что все виды знания можно свести к описанию деятельности. И продолжает разрабатывать эту гипотезу: «Очевидно, однако, что в ее крайней форме она может вызвать много возражений. Вероятно, все согласятся, что познание носит деятельностный характер, что мы познаем Мир через деятельность, но речь все же будет идти о Мире, а не о деятельности. Я, однако, буду настаивать на крайней и категоричной формулировке: человеческая деятельность есть единственный объект нашего познания. Мы познаем не Мир в деятельности или через деятельность, а именно саму деятельность с Миром. Различие приведенных формулиро-

⁹ Розов М.А. Тезисы к перестройке теории познания // На пути к неклассической эпистемологии. – М.: ИФ РАН, 2009. – С. 102–103; Розов М.А. Философия науки в новом видении. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 38.

вок очень существенно, и я постараюсь это обосновать»¹⁰.

Очевидно, – пишет М.А. Розов, – что предложенный тезис тесно связан с теорией социальных эстафет и в какой-то степени из нее вытекает. Теория социальных эстафет – это разработанная М.А. Розовым теория воспроизводства и развития социума в его материальных и духовных компонентах. Социальные эстафеты – это термин для обозначения воспроизводства деятельности по непосредственным, т. е. не вербализованным образцам, представляющий собой базовый механизм сохранения и передачи опыта, механизм социальной памяти¹¹. Появившееся с формированием языка, речи и речевой коммуникации такое семиотическое образование, как знание в своей исходной форме, есть тоже не что иное, как описание, вербализация непосредственных образцов деятельности. Вербализация вызвана задачей передачи опыта от одного человека, имеющего в своем поле зрения соответствующие образцы, другому, который этих образцов не имеет. Сама вербализация осуществляется по стандартам актов коммуникации: «Знание здесь как бы разделено на две половины между двумя участниками акта коммуникации: один задает вопрос, другой формулирует ответ. Это про-

¹⁰ Розов М.А. Проблема истины в свете теории социальных эстафет // Истина в науках и философии. – М.: Альфа-М, 2010. – С. 234; Розов М.А. Философия науки в новом видении. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 216.

¹¹ Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: Новый хронограф, 2008. – 352 с. См. также: Розов М.А. Феномен социальных эстафет. Сборник статей. – Смоленск: СГПИУ, 2003; Розов М.А. Проблема способа бытия семиотических объектов // Эпистемология & философия науки. – 2006. – Т. VIII. – № 2; Розов М.А. В поисках Жар-птицы // Вопросы философии. – 2005. – № 6.

тиво-поставление сохраняется и в окончательной синтезирующей формулировке, к которой мы привыкли, в виде референции и репрезентации в составе знания»¹².

Представляется очень правдоподобным, объяснял М.А. Розов, что знание в его исходной форме – это описание образцов деятельности. Такое описание совершенно необходимо для постоянного воспроизводства социума в условиях, когда уже не все образцы находятся в поле зрения отдельного человека и не все могут быть непосредственно продемонстрированы. Естественно напрашивается мысль, что и все остальные виды знания можно так или иначе свести к этой исходной форме.

Предваряя возражения и объясняя свою позицию, Розов пишет, что, конечно, есть знания, которые, казалось бы, фиксируют особенности тех или иных природных объектов самих по себе. Например, трудно на первый взгляд понять как описание деятельности содержание таких знаний, как «поваренная соль растворяется в воде». Для того чтобы показать знания такого типа, как описание деятельности, Розов вводит представление о знаниях двух типов: персонифицированных и онтологизированных. Персонифицированные знания – это знания, где действующим лицом является человек, либо непосредственно, либо завуалировано в форме выражений «получают», «можно получить» и т. п. Онтологизированные знания – это знания, которые возникают за счет передачи функций действующего лица от человека к объекту. Эту передачу Розов называет онтологизацией. Понятие онтологизированных зна-

ний помогает понять именно как описание деятельности и такие знания, которые описывают, казалось бы, особенности тех или иных природных объектов самих по себе, но в исходном варианте своего бытия фиксируют совершенную с ними деятельность и их «поведение» в ней.

Чтобы показать знание как описание деятельности, Розов вводит представление о рефлексивных преобразованиях деятельности, в том числе и познавательной. Одни и те же действия с одними и теми же объектами люди совершают с разными целевыми установками, т. е. они осознаются как разные акты деятельности. Рефлексивными преобразованиями деятельности Розов называет смену целевых установок при сохранении неизменными других основных компонентов деятельности.

Для пояснения Розов предлагает рассмотреть пример с отрывком из вузовского курса общей химии: «Фосфорная или ортофосфорная кислота H_3PO_4 образуется при взаимодействии с водой хлорида, оксихлорида... и окиси фосфора... Менее чистую фосфорную кислоту в промышленности получают путем разложения фосфата кальция (фосфоритов или костяной муки) серной кислотой... Фосфорную кислоту получают также окислением белого фосфора разбавленной азотной кислотой...»¹³. В приведенном отрывке описывается деятельность получения фосфорной кислоты разными способами. Но что при этом является объектом познания: фосфорная кислота, деятельность ее получения, используемые при этом материалы? Референция – указание на ту задачу, предмет или явление, с которыми связана описываемая деятельность, – определяется теми задачами, кото-

¹² Розов М.А. Тезисы к перестройке теории познания // На пути к неклассической эпистемологии. – М.: ИФ РАН, 2009. – С. 100; Розов М.А. Философия науки в новом видении. – М.: Новый хронограф, 2009. – С. 36.

¹³ Ненищеску К. Общая химия. – М.: Мир, 1968. – С. 435.

рые ставятся исследователем. Рефлексивные преобразования познавательной деятельности позволяют при описании одних и тех же производственных актов выявлять разные объекты референции и тем самым получать разные формы знания. Важно при этом, подчеркивает Розов, что содержание знания не меняется. При описании трех разных способов получения фосфорной кислоты в приведенном отрывке используются и онтологизированные, и персонифицированные формы знания. Таким образом, содержание наших знаний инвариантно относительно преобразования онтологизации.

Для того чтобы выявить подлинное содержание знания, его неразрывную связь с описанием деятельности, мы должны, поясняет Розов, выделять для анализа полные системы знания, а не отдельные фрагменты этой системы, не знания-посредники, как он их называет, которые обеспечивают диагностику конкретного объекта для подведения его под общее правило.

Например, чтобы практически использовать знание «поверхность шара равна учетверенной площади большого круга», надо осуществить акт диагностики или распознавания и установить, что предмет, площадь которого мы собираемся измерить, действительно шар. Медицинский справочник представляет собой систему знаний, для использования которых необходимо поставить диагноз, например, «Х болен туберкулезом», т. е. тоже получить знание-посредник. Установив, с каким животным, растением или минералом мы имеем дело, мы получаем знания, позволяющие представить их создание или использование. Это знания-посредники.

На вопрос, как увидеть в утверждении «Мел бел» знание о деятельности, М.А. Ро-

зов ставит вообще под сомнение квалификацию его как знания. Осмысливая систему цветообозначений, мы просто научаемся использовать некоторый набор слов в соответствии с заданными образцами их употребления.

М.А. Розов приводит еще один аргумент в пользу того, что объектом познания является деятельность. «Любая деятельность, — отмечает он, — первоначально рефлексивно симметрична деятельности познавательной. С одной стороны, она преследует какие-то свои цели, далекие от познания, но с другой — неизбежно представляет собой накопление опыта, зафиксированного на уровне образцов. Иными словами, первоначально познание и другие виды деятельности — это одно и то же с точностью до целевых установок. Позднее, с развитием языка и речи и появлением знания такая симметрия нарушается, так как не каждый практик пишет статьи, но рефлексивные переключения постоянно имеют место, и если химик в своей лаборатории получает какое-то вещество, то трудно без дополнительного исследования определить, какова его цель: нужно ли ему именно полученное вещество само по себе или он проверяет какую-то гипотезу. Эта постоянная рефлексивная связь деятельности практической и познавательной может служить еще одним основанием моего тезиса о деятельности как объекте познания»¹⁴.

По-новому М.А. Розов рассматривает роль чувственного опыта в познании. «Существует старая традиция, — пишет М.А. Розов, — тесно связанная с представлением о том, что содержание наших

¹⁴ Розов М.А. Проблема объекта познания в контексте теории социальных эстафет // Эпистемология & философия науки. — 2011. — № 3. — С. 219–220; Розов М.А. Философия науки в новом видении. — М.: Новый хронограф, 2012. — С. 135.

знаний мы черпаем из чувственного опыта, что он является предпосылкой знания. Это представление глубоко укоренилось в нашем сознании. Мне представляется сомнительным, что человек познает мир на базе восприятия отдельных объектов природы. Человеку надо производить, ему надо постоянно реализовывать образцы производственной и прочей деятельности. Именно эти образцы и делают его человеком. Я выдвигаю следующий тезис: содержание наших знаний мы получаем не из чувственных восприятий, а из деятельности, из практического оперирования с объектами¹⁵. Отклоняя контраргумент, что деятельность ведь тоже надо как-то воспринимать, он предлагает следующую аналогию: мы не можем читать, не воспринимая букв, но содержание-то мы получаем не из этих чувственных восприятий, а из той книги, которую мы читаем. Именно книга определяет характер этого содержания. И много ли нам даст для понимания книги анализ того, как именно мы воспринимаем буквы и отличаем одну из них от всех других. Именно деятельность с объектами, с точки зрения М.А. Розова, является той книгой, которую мы читаем при исследовании Природы. Эту книгу мы сами пишем и постоянно переписываем. Разумеется, не сами по себе, а в соавторстве с познаваемой реальностью. И соавтор при этом настолько упрям, что приходится постоянно приспосабливаться к его позиции, меняя задаваемые ему вопросы. Ответ всегда немногословен. Это либо «да», либо «нет», что заставляет нас либо продолжать мыслить в прежнем на-

правлении, или уточнять аспекты, или отказаться от прежнего направления мысли совсем. То, что ответы Природы «да» и «нет» не определяют содержание наших знаний, М.А. Розов иллюстрирует следующим примером: реку можно преодолеть вплавь, можно переплыть на плоту, на весельной или моторной лодке, можно перелететь на дельтаплане... – все это определяется прежде всего социокультурными традициями. Но одно дело, если мы пытаемся перейти реку вброд и получаем ответ «нет», другое – если мы получаем тот же ответ при использовании весельной лодки. Очевидно, что полученные знания будут существенно отличаться по содержанию. Это будут разные знания, хотя ответ Природы один и тот же. Содержание, следовательно, представляет собой описание деятельности.

Механизмы чувственных восприятий и представлений, которые исследует психология или физиология, вероятно, не изменились за много веков, от египетских фараонов до наших дней, а прогресс в сфере познания грандиозен. И объясняется он не обогащением чувственного опыта, а тем, что мы создаем и читаем все новые «книжки». И именно это последнее и должна исследовать научная эпистемология. Легко показать, что огромный массив научных знаний представляет собой описание экспериментальных процедур. Да, для того чтобы описать эксперимент, надо его видеть, надо отличать одни предметы или операции от других, но надо не только видеть, но и понимать происходящее, надо уметь пользоваться языком, в котором уже зафиксирован определенный практический опыт. Описание эксперимента – это описание и того, что уже спланировано. Мы, как правило, предвидим и результат наших действий, а

¹⁵ Розов М.А. Тезисы к перестройке теории познания // На пути к неклассической эпистемологии. – М.: ИФ РАН, 2009. – С. 113; Розов М.А. Философия науки в новом видении. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 48.

на долю наблюдения выпадает только задача установить, оправдались ли наши предположения. М.А. Розов пишет: «Мы не просто воспринимаем мир широко открытыми глазами, реализуемая деятельность резко сужает поле нашего зрения, требуя только ответа на вопрос “да или нет?” Никаких протокольных высказываний самих по себе в науке не существует, ибо они не имеют никакого познавательного значения вне контекста деятельности, которая уже была запланирована. Иными словами, определенная интерпретация наблюдения уже существует до наблюдения»¹⁶.

«Мы начинаем не с восприятия предметов, а с восприятия актов деятельности, — пишет М.А. Розов, — а это принципиально важно хотя бы по следующим четырем причинам.

Во-первых, восприятие деятельности — это восприятие не только предметов, но и их связей, опосредованных нашими действиями. Поэтому вербализация деятельности сразу дает нам знание, фиксирующее связь некоторой исходной ситуации и возможных или необходимых действий, связь этих действий с получением определенно-го результата.

Во-вторых, деятельность не возникает спонтанно, она всегда осуществляется либо по образцу, либо по заранее построенному плану. В этом последнем случае мы чувственно воспринимаем то, что уже описано, и на долю чувственного опыта остается только выяснить реакцию внешнего мира на наши действия. Впрочем, и эта реакция в определенной степени предусматривается в исходном проекте.

¹⁶ Розов М.А. Тезисы к перестройке теории познания // На пути к неклассической эпистемологии. — М.: ИФ РАН, 2009. — С. 114–115; Розов М.А. Философия науки в новом видении. — М.: Новый хронограф. 2012. — С. 49.

В-третьих, деятельность и ее воспроизведение тесно связаны с замещением в каждом новом акте одних компонентов другими. Иначе говоря, любое воспроизведение образца есть обобщение, но не обобщение как сознательно применяемый метод, а как исходное условие существования социума. С развитием языка и речи это порождает общие понятия. Возникает традиционный вопрос: что такое знаменитый аристотелевский «дом вообще», где и как он существует? «Дом вообще» — это функциональное место в деятельности строительства и использования жилья, которое при воспроизводстве этой деятельности постоянно заполняется новым материалом. Материал, разумеется, должен соответствовать требованиям, которые деятельность к нему предъявляет. «Дом вообще» существует благодаря тому, что эстафеты и эстафетные структуры — это куматоиды. Он существует как некоторое подобие волны. Разумеется, встает вопрос о стационарности самих эстафет, об относительной определенности поля их реализаций. ...

В-четвертых, с точки зрения традиционного сенсуализма нельзя объяснить чрезвычайно быстрого развития наших знаний. Человек на протяжении веков наблюдал и продолжает наблюдать в природе одни и те же явления, это одни и те же растения и животные, минералы и горные породы, одни и те же природные явления типа землетрясений, лунных и солнечных затмений, смены дня и ночи или времен года и т. д. Чем же объяснить тот факт, что наши знания, начиная хотя бы с XVII века, претерпели грандиозные изменения? Думаю, что только столь же быстрым развитием практической деятельности. Но, по сути дела, как я уже говорил, это одно и то же, познание и практика, если учитывать

постоянную возможность рефлексивных преобразований»¹⁷.

Понимание содержания знания как описания деятельности позволяет Розову по-новому решить проблему истины.

Самая древняя и традиционная концепция истины – корреспондентская, понимающая истину как знание, соответствующее действительности. Эта концепция уязвима, как мы уже отмечали, поскольку возникает вопрос, как можно установить соответствие действительности и что под ней надо понимать. О действительности мы ничего не знаем за пределами того знания, которое и надо проверять. Позицию, внешнюю к мирозданию, может занимать только Бог.

«Ситуация кардинально меняется, – пишет Розов, – если предположить, что мы познаем не мир сам по себе, а деятельность с этим миром. Приняв этот тезис, мы оказываемся в положении Бога, который сам творит объект своего исследования. Мы проектируем некоторую деятельность и сами ее реализуем, устанавливая тем самым соответствие объекта и знания. Нам ясно, что в данном случае надо понимать под соответствием и каковы условия истинности наших знаний»¹⁸.

При этом Розов предлагает вслед за Поппером различать критерий истины и условия истинности¹⁹. Корреспондентская теория истины получает у Розова глубокое обоснование, если под реальностью, кото-

рую мы познаем, понимается человеческая деятельность. Он пишет: «Все тривиально просто: мы сопоставляем наши знания с тем, что сами постоянно создаем, реально или на уровне проектов. Речь при этом идет не о критериях истины, а о понимании, при каких условиях данное знание истинно»²⁰.

Если принять, что познаем мы не объективную реальность, а нашу деятельность в ней, то истинное знание, будучи знанием именно о нашей деятельности, становится объективно проверяемым на соответствие этой деятельности. Описание деятельности можно будет признать истинным или соответствующим этой деятельности, если по этому описанию мы сможем данную деятельность воспроизвести. Это условие – смена объекта познания с мира самого по себе на нашу деятельность в нем – обеспечивает новое дыхание корреспондентской теории истины, приводит к новому пониманию ее возможностей.

Литература

Кузнецова Н.И. Предисловие к публикации статьи М.А. Розова «Проблема объекта познания в контексте теории социальных эстафет» / Н.И. Кузнецова, А.А. Никифоров // Эпистемология & философия науки. – 2011. – № 3. – С. 196–197.

Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: АСТ, 2001. – 320 с.

Ладов В.А. Формальный реализм / В.А. Ладов // Логос. – 2009. – № 2 (70). – С. 11–23.

Неницеску К. Общая химия / К. Неницеску. – М.: Мир, 1968. – 816 с.

Поппер К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.

¹⁷ Розов М.А. Проблема объекта познания в контексте теории социальных эстафет // Язык – Знание – Реальность. – М.: Альфа-М, 2011 – С. 146; Розов М.А. Философия науки в новом видении. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 136–137.

¹⁸ Розов. М.А. Тезисы к перестройке теории познания // На пути к неклассической эпистемологии. – М.: ИФ РАН, 2009. – С. 116; Розов М.А. Философия науки в новом видении. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 50–51.

¹⁹ Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – С. 380.

²⁰ Розов М.А. Тезисы к перестройке теории познания // На пути к неклассической эпистемологии. – М.: ИФ РАН, 2009. – С. 117; Розов М.А. Философия науки в новом видении. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 52.

Розов М.А. Тезисы к перестройке теории познания / М.А. Розов; отв. ред. В.А. Лекторский // На пути к неклассической эпистемологии. – М.: ИФ РАН, 2009. – С. 98–120;

Розов М.А. Неклассическая наука и проблема объективности знания / М.А. Розов // Знание в связях социальности. – Екатеринбург, 2003.

Розов М.А. В поисках Жар-птицы / М.А. Розов // Вопросы философии. – 2005. – № 6. – С. 63–82.

Розов М.А. Проблема способа бытия семиотических объектов / М.А. Розов // Эпистемология & философия науки. – 2006. – № 2. – Т. VIII. – Смоленск.

Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. Рос. акад. наук, Ин-т философии / М.А. Розов. – М.: Новый хронограф, 2008. – 352 с.

Розов М.А. Проблема истины в свете теории социальных эстафет / М.А. Розов // Истина в науках и философии. – М.: Альфа-М, 2010. – С. 224–269.

Розов М.А. Проблема объекта познания в контексте теории социальных эстафет / М.А. Розов // Эпистемология & философия науки. – 2011. – № 4. – С. 200–225.

Розов М.А. Философия науки в новом видении / М.А. Розов. – М.: Новый хронограф, 2012. – С. 34–55, 123–142, 207–250.

Розов М.А. Феномен социальных эстафет. Сборник статей / М.А. Розов. – Смоленск: СГПИУ, 2004. – 238 с.

Rorty R. Is Truth A Goal of Inquiry? Davidson Vs. Wright / R. Rorty // The Philosophical Quarterly. – 1995. – Vol. 45. – № 180. Jul.